
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

Е.С. ГЛАЗОВА

РАЗВИТИЕ КАК ОТКРЫТЫЙ ПРОЕКТ

Развитие всегда было одной из фундаментальных категорий теоретического осмысления судеб государств и народов. Понятия прогресса и роста стали важными элементами западного дискурса более двух веков назад, в эпоху Просвещения, хотя сам термин «развитие» в то время не использовался. По мнению К. Мартина [Martin, 1991, p. 38], теоретиками развития можно считать классиков политической экономии от Рикардо до Маркса.

В XIX в. понятия прогресса и развития были разведены: развитие стало трактоваться как средство, способствующее излечению болезней прогресса (безработицы, городских трущоб, избыточного народонаселения) и дополняющее его. Гегель указал на несовпадение прогресса и развития ввиду различия их траекторий (линейная – спиралеобразная) [Cowen, Shenton, 1996, p. 130].

Современное понимание развития сформировалось сравнительно недавно, после Второй мировой войны, что было обусловлено, с одной стороны, необходимостью оказания помощи пострадавшим европейским странам, а с другой – распадом колониальной системы и появлением большого количества новых независимых государств, нуждавшихся в преодолении экономического отставания. Новые теории экономики развития и социополитической модернизации пришли на смену прежнему колониально-цивилизаторскому дискурсу.

По мере возрастания интереса к беднейшим странам становились очевидными недостатки существующих инструментов анализа экономических процессов, которые не подходили для изуче-

ния аграрных обществ в связи с отсутствием в них современных экономических структур. В этих условиях при разработке концепций развития теоретики руководствовались двумя соображениями. Во-первых, у них перед глазами был недавний опыт успешной реализации «плана Маршалла», в рамках которого огромные потоки американской финансовой и технической помощи были направлены в пострадавшие от войны страны Западной Европы с целью восстановления и модернизации их экономик. Во-вторых, они могли опираться на исторический опыт, поскольку все современные индустриальные страны когда-то были слабо развитыми аграрными обществами.

Таким образом, два фундаментальных представления – о полезности массивных вливаний капитала и об историческом развитии передовых стран – легли в основу так называемой «Бреттонвудской стратегии развития». Продвижение стандартов свободного рынка, противодействие коммунистической экспансии, насаждение либеральных институтов стали важными характеристиками этой системы. Главное, что требовалось от реципиента, – это намерение следовать либеральной экономической доктрине Бреттонвудской системы. С точки зрения доноров, это делало получателя помощи членом «свободного мира», неуязвимого для коммунистической угрозы и способного воплощать идеалы свободного рынка.

Развитие в этот период понималось как модернизация, и прежде всего индустриализация, цель которой была ясной и четкой: добиться роста благосостояния стран, что выражалось бы в росте ВВП. Индустриализация и, в частности, способность страны производить готовые изделия стали важнейшими характеристиками уровня развития страны.

Экономический рост превратился в ключевой критерий эффективности развития, что легло в основание теории роста и концепции большого скачка. С течением времени критерии экономического роста (технологические инновации, скорость экономического роста, изменения в структуре производства и т.д.) стали основанием для разработки постмарксистских стадийальных подходов к развитию общества, в частности теории стадий экономического роста У. Ростоу.

Концепция экономической индустриализации была дополнена понятиями политической модернизации (строительство современного государства) и социальной модернизации (стимулиро-

вание частного предпринимательства и поощрение ориентации на личный успех и достижения). Постулировалось, что традиция является основным препятствием для проведения модернизации. В странах «третьего мира» поощрялся отказ от традиционного уклада, верований и систем ценностей в пользу западных норм и представлений.

Модернизационный дискурс оказал огромное влияние на теории развития и оказался довольно устойчивым в силу ряда причин, прежде всего, сочетаемости с доминирующими в учении о развитии неоклассическими экономическими теориями, а также простотой и предполагаемой универсальностью. Характерными чертами этого дискурса была вера в линейность прогресса и исторический оптимизм.

Для реализации концепций помощи в 1945 г. был создан ряд специализированных институтов, прежде всего Международный валютный фонд (ВМФ) и Международный банк реконструкции и развития (Всемирный банк, ВБ). Изначально ВБ был призван оказывать помощь в восстановлении Западной Европы, а ВМФ – контролировать и регулировать международную валютную систему. Со временем эти институты фактически превратились в инструменты контроля США над процессом принятия решений в странах-реципиентах.

В первые послевоенные годы президент США Трумэн провозгласил курс на искоренение бедности в странах «третьего мира». В 1948 г. ВБ операционализировал понятие бедности, введя маркер дохода менее 100 ам. долл. на душу населения. Так была проведена черта между развитым миром и остальными двумя третями населения земного шара [подробнее см.: Rapley, 2007].

Необходимо отметить, что не только Бреттон-вудская система оформила представления о путях развитии. Еще одним способом его достижения стала советская система централизованного планирования и направления инвестиций в отрасли, определяющие технический прогресс (советский, китайский и кубинский варианты). Конкурирующие стратегии объединяло понимание развития как преодоления отсталости и курс на индустриализацию.

Восстановив экономику после войны, Советский Союз стал второй сверхдержавой в мире, а также страной-кредитором, оказывавшей помощь странам, которые подтвердили намерение следовать путем социализма и взять за образец плановую экономиче-

скую систему. Институциональное воплощение социалистическая система помощи нашла в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ). Согласно принятому в 1959 г. уставу, его целью провозглашалась координация усилий стран-участниц для увеличения темпов экономического и технического прогресса, сближения и выравнивания уровней экономического развития. Помимо функции координации планов развития, он разрабатывал долгосрочные планы сотрудничества и разделения труда стран-участниц. Позднее, в 1970 г., был создан Международный инвестиционный банк – организация, занимавшаяся кредитованием стран – участниц СЭВ.

С конца 1950-х годов стали развиваться отношения между социалистическими странами и «третьим миром». В 1957 г. был создан Государственный комитет по внешнеэкономическим связям и в СССР, и в других социалистических странах. Стратегия развития основывалась на повышении удельного веса государственного сектора в экономике и реализации национальных планов. В середине 1970-х годов был заключен ряд многосторонних соглашений «СЭВ – развивающаяся страна», в рамках которых реципиентам предоставлялись дешевые кредиты и помощь.

Перемены коснулись СЭВ в 1987 г., когда было принято решение о многосторонней перестройке сотрудничества. Восточно-европейские страны приняли решение о либерализации экономики и к концу 1980-х заключили соглашения о сотрудничестве с ЕС [подробнее см.: Ведута, 1998].

Возвращаясь к западному дискурсу, необходимо отметить, что в 1970-х годах условно заканчивается начальный этап концептуализации развития и наступает время первого кризиса. В первые постколониальные годы развивающиеся страны демонстрировали определенные успехи, но улучшения были достигнуты благодаря послевоенному экономическому буму и возросшему спросу на товары из развивающихся стран, в результате чего у них появился капитал, необходимый для развития промышленности и инфраструктуры. Однако после эйфории первых лет обнаружилось, что экономика «третьего мира» развивалась медленнее, чем это было необходимо для улучшения качества жизни.

Первый кризис был обусловлен во многом энергетическим и продовольственным кризисами, которые определили наступление экономического коллапса 1975–1976 гг., поставившего под сомнение

кейнсианскую концепцию государственного регулирования. Поначалу правительства пытались воздействовать на экономику классическими кейнсианскими мерами – практиковалось увеличение государственных расходов, социальных выплат и др., но это привело к большей инфляции, безработице, государственному дефициту. Кейнсианство и монетаризм были ограничены рамками национальных экономик, в то время как кризис продемонстрировал наличие дефектов в самой системе мировой экономики [подробнее см.: Ведута, 1998].

Пришло понимание, что справиться с задачами развития в короткие сроки не получается. Практика развития «третьего мира» в 1950–1960-е годы выявила слабость и даже порочность постулатов «идеальной» модернизации. Общим направлением ревизии стал отказ от идей форсированной модернизации, вдохновляемых концепцией «скачка», прямолинейного перехода от «традиционности» к «современности». На смену пришла интерпретация этого перехода как длительной исторической эпохи, наполненной противоречивым соединением форм нового и старого.

С. Хантингтон, обратив внимание на критическую важность институциональной составляющей модернизации, выдвинул версию, что попытки быстрой экономической модернизации оказывают негативное влияние на институты и ведут к их упадку. Он определил институты как «стабильные, высокооцениваемые, повторяющиеся модели поведения», а институционализацию – как «процесс приобретения организациями и процедурами стабильности и ценности» и рассмотрел модернизацию прежде всего с точки зрения задачи создания сложных и автономных институтов, способных привлечь широкие слои населения к преобразованиям и вместе с тем не поддаться популистскому или лоббистскому нажиму [Хантингтон, 2004]. Дальнейшее развитие теория институтов получает в работах таких исследователей, как Д. Норт (прежде всего, теория зависимости от траектории предшествующего развития – *path dependency*), М. Олсон и др.

В условиях экономического кризиса и провала инициатив стран-доноров в развивающихся странах все отчетливее стали слышаться голоса ученых правого лагеря – представителей неоклассической теории. Они указали, что главной проблемой в «третьем мире» является государство само по себе и что быстрое развитие

возможно только в случае, если государство минимизирует свое присутствие в экономической жизни общества.

В то же время представители левого крыла, и в частности сторонники теории зависимости (*dependency theory*), провозгласили, что проблема не в государстве, а в рынке, следовательно, если и необходимо пересматривать роль государства, то только в сторону его большего участия в социально-экономических процессах.

К началу 1980-х «левые» окончательно потеряли политическую поддержку. Электорат и правительства развитых демократий, обеспокоенные ухудшающейся национальной экономической ситуацией, в поисках новых идей обратились к «новым правым», что стало началом долгой атаки на государство и другие институты (например, профсоюзы). Страны-доноры начали настаивать на аналогичных неолиберальных изменениях в странах-реципиентах. Подавляющее большинство правительств «третьего мира» уступили новым требованиям неохотно, но им пришлось выполнить все условия, поскольку долговой кризис существенно урезал их вес в переговорном процессе со странами-кредиторами. «Меньше государства – больше рынка» – таков был основной посыл политики структурной перестройки (*structural adjustment*) [Pieterse, 2010, p. 26].

Реализацию нового курса можно считать частично успешной лишь в нескольких наиболее развитых странах «третьего мира». В беднейших странах, которые более всего нуждались в изменениях, данный курс только усугубил тяжелую ситуацию, как, например, в Руанде в период правления Ж. Хабиаримана (1973–1994).

Очередные провалы инициатив стран-доноров, а также окончание «холодной войны» обусловили перестановку сил в исследовательском сообществе, а также предопределили появление принципиально иных критиков, что ознаменовало начало третьего этапа концептуализации развития. Прежде всего, под влиянием постмодернистских теорий и антиглобалистского движения сформировалась так называемая теория постразвития (*post-development thinking*). В то время как сторонники государственного регулирования и свободного рынка были объединены единой целью – достижением развития, адепты постразвития отмежевались от этой цели. Они поставили под сомнение концепцию развития как таковую, указав, что целью развития никогда не было улучшение жизни людей. С их точки зрения, использовавшиеся программы развития игнорировали

благополучие тех или иных обществ, их основной целью было установление внешнего контроля.

В дискурсе постразвития можно выделить две волны [Ahorro, 2008]. Теоретики первой предполагали, что процессы развития подрывают и уничтожают многообразие социальных, культурных, экономических и политических систем, существовавших до «развития». В. Сакс в 1992 г. утверждал, что следует бояться не провалов развития, а его успеха, поскольку в последнем случае весь мир стал бы скучным и опасным, будучи лишен культурного разнообразия и альтернатив [Sachs, 1992, p. 3]. В том же году А. Эскобар предположил, что проблемы с развитием кроются в том, что оно представляется как внешний, телеологический процесс, и необходимы иные, «более эндогенные» дискурсы.

В своей работе 1995 г. он суммировал признаки первой волны постразвития следующим образом: 1) не альтернативность развития, а альтернативы развитию и отрицание предшествующей парадигмы; 2) интерес к локальному и эндогенному знанию; 3) критическая установка к существующим научным дискурсам; 4) защита и продвижение локальных (ограниченных), плюралистических движений [Escobar, 1995, p. 65].

Первая волна дискуссий постразвития вызвала шквал критики. Если отрицать возможность улучшений через развитие, в том числе современную медицину, которая снижает уровень детской смертности, и распространение образования, которое увеличивает количество грамотных, то есть ли в теории постразвития конструктивные ценности? – задавались вопросом критики. Такие исследователи, как Ф. Шурман и С. Корбридж, указывают, что помимо своего критического запала, постразвитие ничего не несет. По мнению Корбриджа, полное отрицание современности и развития игнорирует многочисленные положительные аспекты, связанные с ними, – от продвижения прав человека до достижений медицины [Corbridge, 1998, p. 145].

Теоретики второй волны скорректировали свою позицию. Критика развития, по их мнению, не должна рассматриваться ни как отрицание того, что улучшение социальной организации невозможно, ни как призыв возвращения к жизни «до развития». Хотя послевоенные попытки развития оказались несостоятельными, цель улучшить жизни людей нельзя оставлять. Таким образом,

призыв «найти альтернативы развитию» – это попытка поиска новых путей изменения, улучшения, которые должны быть найдены вместо доказавшего свою несостоятельность либерального проекта [Matthews, 2004, p. 380]. Более того, эти альтернативы развитию должны быть найдены и реализованы самими реципиентами. Развивающийся мир должен взять на себя ответственность за свое экономическое и социальное развитие согласно своим приоритетам и планам, которые отражали бы его политическое и культурное многообразие. В целом теория постразвития способствовала тому, что в рамках официального дискурса больше внимания стало уделяться человеку и его правам, что особенно отчетливо звучит в работах А. Сена, который предлагает рассматривать развитие сквозь призму улучшения жизни людей, а не экономического роста, хотя последний, безусловно, важен [Sen, 2009; Sen, 1999].

Помимо идей постразвития, отличительной чертой третьего этапа стало доминирование в исследовательском дискурсе концепта «ловушек развития». Он появился еще в 1970-е годы в рамках экономики развития (*development economics*), а сегодня стал модным предметом споров с предсказуемым делением на «правых» и «левых». В правом академическом лагере наблюдается тенденция отрицать существование ловушек развития – правильный политический курс позволяет избежать бедности. Левые видят причину всех бед в мировом капитализме, который по своей природе генерирует ловушку бедности.

Концепция ловушек развития часто ассоциируется с работами экономиста Дж. Сакса (например, с исследованиями экономического эффекта проведения антималярийных мероприятий в Африке), а также активно используется такими исследователями-эмпириками, как П. Кольер, который говорит о возникновении в некоторых странах четырех специфических ловушек: конфликтов, природных ресурсов, неудачного соседства и дурного правления [Collier, 2007].

Необходимо обратить внимание, что сегодня в исследовании проблематики развития происходят важные методологические изменения, прежде всего, с точки зрения движения к междисциплинарности. Встроенность экономических и рыночных практик в политические институты, социальный капитал, культурные ценности и социальные отношения поставили вопрос о необходимости междисциплинарного изучения этих и других феноменов. Новые под-

ходы представлены институциональной экономикой, социологией экономики, социальной экономией и др.

Традиционно в учении о развитии доминировали экономические теории, что обусловило недооценку важности политического развития. Бреттон-вудские аналитики, чрезмерно увлекшись экономическими рекомендациями, выпустили из виду вариант рассинхронизации экономического и политического развития. На практике оказалось, что успехи на первом направлении не означают автоматического изменения политических институтов, что привело, например, к народным волнениям и смене режимов в Тунисе и Египте в 2011 г.

Сегодня ни среди ученых, ни среди политиков нет единства относительно целей и инструментов развития. Одна точка зрения заключается в том, что пора «закрывать лавочку» и подумать о чем-то совершенно другом, «о чем-то вне развития» (адепты теории постразвития).

Другая позиция состоит в том, что следует определить, что же представляет собой переживаемый экономический кризис, и признать, что помимо провалов были и несомненные достижения. В рамках данного подхода отмечается необходимость избегать упрощенных, односторонних оценок, поскольку здравоохранение и образование улучшились даже в тех странах, которые демонстрировали отсутствие экономического роста. Этот подход нашел свое воплощение в глобальной программе «Цели развития тысячелетия».

Как считают сторонники третьей точки зрения, необходимо признать наличие кризиса и допустить, что сам кризис является неотъемлемой чертой развития и что знание о развитии есть знание о кризисе. Собственно, ученые утверждали это с начала XIX в. Сомнение, переосмысление и кризис являются родовыми признаками развития. Таким образом, развитие – это поток, который быстро изменяется и обновляется. Поиск и апробирование новых альтернатив являются первостепенной задачей исследователей.

Литература

Ведута Е.Н. Государственные экономические стратегии. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 439 с.

- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Ahorro J.* The waves of post-development theory and a consideration of the Philippines // CPSA annual conference: 2008 papers. – Alberta, 2008. – Mode of access: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2008/Ahorro.pdf> (Дата посещения: 20.12.2011.)
- Collier P.* The bottom billion: Why the poorest countries are failing and what can be done about it. – Oxford, N.Y.: Oxford univ. press, 2007. – 205 p.
- Corbridge S.* Beneath the pavement only soil: The poverty of post-development // Journal of development studies. – L., 1998. – Vol. 34, N 6. – P. 138–148.
- Cowen M.P., Shenton R.W.* Doctrines of development. – L.: Routledge, 1996. – 554 p.
- Escobar A.* Encountering development: The making and unmaking of the Third World. – Princeton: Princeton univ. press, 1995. – 290 p.
- Martin K.* Modern development theory // Strategies of economic development: Readings in the political economy of industrialization / Ed. Martin K. – Basingstoke: Palgrave Macmillan (with Institute of Social Studies), 1991. – P. 27–74.
- Matthews S.* Post-development theories and the question of alternatives: A view from Africa // Third world quarterly. – L., 2004. – Vol. 25, N 2. – P. 373–384.
- Pieterse J.N.* Development theory: Deconstructions / reconstructions. – L.: SAGE, 2010. – 252 p.
- Rapley D.* Understanding development: Theory and practice in the Third World. – Boulder; L.: Lynne Rienner publishers, 2007. – 267 p.
- Sachs W.* Introduction // The development dictionary: A guide to the knowledge as power / Ed. by W. Sachs. – L.: Zed, 1992. – 306 p.
- Sen A.K.* Development as freedom. – Oxford, N.Y.: Oxford univ. press, 1999. – 366 p.
- Sen A.K.* The idea of justice. – L.: Allen Lane, 2009. – 467 p.